

**Андрей
Земсков**

**КОЛОКОЛЬНОЕ
ДЕРЕВО**

КНИГА СТИХОВ

Андрей Земсков
Колокольное дерево.
Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43650544

ISBN 9785005026118

Аннотация

Друзья мои! На страницах этой книги, как на ветках колокольного дерева, звенят голоса дорогих мне людей. Через посвящения и эпиграфы я говорю им «спасибо». Эта книга о людях и городах, о любви и войне, о Севере и Сибири, о моём любимом городе Владивостоке. О том, чем душа живёт. Некоторые стихи поются, но я старался избежать публикации откровенно песенных текстов. У моего колокольного дерева тридцать годовых колец – 30 лет творческой работы. Буду рад, если книга придётся вам по душе. Автор.

Содержание

Колокольное дерево	8
Забывтая речь	10
Крылья	12
Странник	14
«Постигая азы...»	16
«Погостили – и в путь обратный...»	18
За облака	20
Синица	22
Донской монастырь	24
Пражский рыцарь	27
Игорю Царёву	29
Борису Чичибабину	32
Александру Шарову	35
Месяц	36
Время	37
1	37
2	39
«Слишком остро, конечно же...»	41
Островок	43
Колыбельная маяка	45
Птица	47
На красных скалах	49
О белом ирисе	51

По проходным дворам Владивостока	52
1	52
2	53
Миллионка	55
Дома под снос	58
Зимние ангелы	60
Портовый шум	62
Пушкинская улица	65
Элеонора	67
Колокола	69
Гостинка	70
Между небом и волной	72
Город солёных ветров	74
«Когда-нибудь, тяжёлый на подъём...»	76
«Как просто приходит осень ...»	78
За Великой Дугой	80
«Прощальный парус скрылся вдалеке...»	82
Лодочка	84
Ладони Крыма	86
Южный путь	88
Киевская зарисовка	90
Львовская зарисовка	91
Скрипач над Харьковом	93
Хабаровск – Харьков	94
Хабаровск	96
Земляки	98

Паромщик	100
Там, где ты живёшь	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Колокольное дерево

Книга стихов

Андрей Земсков

Иллюстратор Алексей Ожиганов

© Андрей Земсков, 2019

© Алексей Ожиганов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-2611-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Слушай времени счёт...»

Я совсем недавно познакомилась со стихами Андрея Земскова, да и с ним самим. Ветер перемен занёс его с Дальнего Востока в Харьков, и мы возрадовались: в кругу поэтов прибавление, да ещё поэт, исполняющий свои стихи под гитару. Но оказалось, что Харьков – это лишь остановка в его пути. Уже из Иерусалима Андрей обратился ко мне с просьбой написать предисловие к этой книге. Думаю, что здесь сыграла роль моя причастность к поэту Борису Чичибабину, к которому он относится с большим пиететом. Книга мне понравив-

лась поэтическим кругозором автора, нравственной нотой, звучащей в стихах, литературными пристрастиями. Самые пронзительные стихи посвящены дальневосточной тематике, городам, где прошли его детство и юность, где он состоялся как поэт и бард. Так и хочется побродить с ним по берегу океана, по таинственным улочкам Владивостока, вдохнуть морского воздуха. У Андрея есть такое напутствие: «Слушай времени счёт...». Вот он слушает и воплощает в стихах. У меня такое ощущение, что если бы Андрей неожиданно появился в наших застольях 80-90-х годов, он был бы очень уместен. Хочу пожелать ему дальнейших творческих успехов.

Лилия Карась-Чичибабина

Из переписки

Андрей, я рад знакомству с твоими стихами и песнями. Ещё раз повторюсь, ты талантлив. Да ты и сам это знаешь, ведь не сдаёшься же, продолжаешь петь и писать. Потому что чувствуешь: есть ради чего биться и что людям показать. Замечательный стих и песня «Колокольное дерево».

Игорь Царёв

Колокольное дерево

*Всё-то мнится – сердце сквозь даль и лёд
Колокольным деревом прорастёт...*

Бахыт Кенжеев

Как отрежется всё то, что отмерено,
Припаркуется машина к обочине.
Там растёт на склоне старое дерево,
Вместо листьев у него – колокольчики.

Забредёт ли в те края чудо-облако,
Дунет ветер, – не беда, мол, что листьев нет.
На вершине закачается колокол,
Что постарше остальных, побасистее.

Загудит-заговорит медь зелёная,
Золотые колокольца ответят ей —
И взовьётся к небу песнь перелётная,
Словно стая певчих птиц, из густых ветвей.

Бродит осень по дорогам растерянно,
Тучи тянутся по небу тяжёлые,
Задевают колокольное дерево,
Обрывают колокольчики жёлтые.

И летят они с ветвей, словно с глаз долой.

Но идущий по дождю, аки посуху,
Подберёт их пешеход, оботрёт полкой
Да приладит к почерневшему посоху.

А когда устанет по свету Божьему
Ковылять да с ветром силами меряться,
Он поставит посох в пыль придорожную.
Может, пустит корни новое деревце?

Июль 1999

Забытая речь

Далеко до царя и до Бога
В неприкаянной этой стране.
Мы – затопленный город Молога.
Мы лежим, словно рыбы, на дне.

Наши улицы скользки, покаты,
Зарастают лиловой травой,
А по крышам шумят перекаты,
Словно грозы, волна за волной.

Воды тёмные в церковке волглой
Говорят на немом языке.
Лишь одна колокольня над Волгой
Ржавый крест поднимает в руке.

Кто мы были? Какими ветрами
Мы дышали на кручах своих,
И с какими молитвами в храме
Мы роднили языческий стих?

Стали вязкой бессмысленной глиной
Невесомые прежде слова,
Пыль дорожная – грязью и тиной,
Серым илом – степная трава.

Что ж, прощайте. Гудит парходик.
Может статья, до будущих встреч
Мы уходим, уходим, уходим —
Зыбь речная, забытая речь...

Сентябрь 2014

Крылья

Понимай, как хочешь, – а было так:
Много лет назад (а верней – веков)
Влез на колокольню один чудака,
Крылья привязал да и был таков.

Чудакам не писан земной закон,
Притяженье неба всегда сильней.
Он расправил крылья и вышел вон.
Радуга над полем, звезда над ней.

Колокол качался, гудел набат,
Кулаками било в лицо Добро,
Шёл войной-изменой на брата брат,
Медяки меняя на серебро.

Ставни мироточили на ветру,
Хлопали по стёклам, что было сил,
Пили, пели, плакали поутру.
Много было всякого на Руси...

...Осень, тучи серые, тёмный лес.
Ворон подустал, на осину сел.
Кажется, не будет уже чудес...
Кажется, и не было их совсем...

Только ты уже смастерил крыла,
Влез на колокольню и сделал шаг.
Высоту набрать – вот и все дела.
А что дальше – вспомнит твоя душа.

Ноябрь 2011

Странник

Развесёлые нынче песни.
Отчего же я сам не весел?
Я тащу на себе груз «двести» —
Двести грустных и разных песен.

Для эстрады они негожи,
Для богемы они безвестны.
И живу я вот так – без кожи,
И на рёбрах таскаю песни.

Вдох – кольнуло осколком ржавым,
Что с войны ветерана мучит.
Выдох – общий разгул державы,
Где мой крик – только частный случай.

Вдох – шаламовский серый стланик
Да моряцкий солёный тельник.
Выдох – путь, на который странник
Вышел без посошка, без денег.

Он шагает себе тихонько,
Он бормочет себе чего-то.
И возможно, лишь в этом только
Вся его – и моя – работа.

Август 2012

«Постигая азы...»

Постигая азы
Векового молчанья,
Слушай времени счёт ну хотя бы вполуха.
Если вырван язык
У поэта – печально.
Хуже, если вокруг все лишаются слуха,

Между злом и добром
Размывают границы
И возводят шутов под небесные своды.
Зря старинным пером
Ты мараешь страницы:
Снова средневековье – ни книг, ни свободы...

Только ты никаких
Гастролёров не слушай,
Похвалу и хулу пропускай без оглядки.
Если жётся твой стих,
Если рвёт чью-то душу
Твоя песня, – то значит, ты в полном порядке.

Пой для Бога, вари ты
Шаманское зелье
И живи голышом, раз родился в исподнем.

Суеты фавориты
Уходят под землю,
Только вечности слуги на небо восходят.

Сентябрь 2013

«Погостили – и в путь обратный...»

Погостили – и в путь обратный.
В жизни всё до предела просто:
Вход свободный, а выход платный.
Дело только в цене вопроса.

Сколько света ты в песню вложишь,
Столько ей и бродить по свету.
Если выпало жить без кожи,
Не надейся скопить монету.

Дело в шляпе – и не иначе.
Больше этого – не по чину.
Верь судьбе, доверяй удаче
И ни в чём не ищи причину

Уклониться, не удержаться,
Отступить за пределы ринга.
Если нет на победу шанса,
Не сворачивай поединка.

На канатах на миг провисни —
И вперёд, будь они неладны,
Все невзгоды! Ведь в этой жизни
Вход свободный, а выход – платный.

Сентябрь 2013

За облака

Что же будет с песней? Ветер допоёт...
Юрий Лорес

Что бы ни пел и что б ни говорил я —
Ответа нет, ветра со всех сторон.
За облака уходит эскадрилья,
За горизонт уходит эскадрон.

Там всё не так, там нет ни тьмы, ни смерти,
Там живы все, кого любили мы.
А здесь – обратный адрес на конверте
Да на столе настой из белены.

Что будет завтра, если будет завтра?
Какой мажорный прозвучит аккорд?
За океан ушла моя эскадра,
За ней умчался чаячий эскорт.

Герои в бронзе, руки их в железе.
Уходит жизнь с листа черновика.
И если здесь не слышат наших песен,
Есть выход: петь туда – за облака.

Когда-нибудь умолкнет говорильня,

Фальшивый блеск уже не ослепит.
И вот тогда вернётся эскадрилья
И эскадрон проскачет по степи.

Как мы шумели, как звала дорога,
Как не умели говорить «прости»...
А песен было, в сущности, немного:
Если собрать – уместятся в горсти.

Март 2013

Синица

В стране, где пахнет краденым рыжьём
И машут кулаками после драки,
Где пять мужчин, танцующих сиртаки,
И одинокий человек с ружьём
Скульптурной группой около ДК
Застыли в гипсе, крашенном под бронзу,
Стихи внезапно вытесняют прозу.
Вот парадокс родного языка!

Парадоксальна станция Семхоз.
Выходишь из московской электрички
И сразу слышишь пение синички
Отважное – в отчаянный мороз.
Дорогою на Сергиев Посад
Бредут неспешно в Лавру богомольцы.
И тройка золотые колокольцы
На полтысячелетия назад
Со звоном рассыпает. На пруду
У полыньи – три зябнущие утки.
Оглянешься всего на полминутки
И не поймёшь – в каком теперь году.
И в храм зайдёшь. Какая это блажь?
Блажен, кто изгнан горькой правды ради.
Подумаешь о прожитом некстати

И трижды прочитаешь «Отче наш».

А, выйдя, вновь увидишь вдалеке
Постройки современные, а справа —
Культурный центр с названием «Дубрава»
И Галича с гитарою в руке,
Идущего по лёгкому снежку
Туда, где в прошлом будущее снится.
Пой веселей, отважная синица,
Пока на небе звёзды не зажгут.

Ноябрь 2016

Донской монастырь

*Спит в Донском монастыре
русское дворянство...*

Александр Городницкий

Голос, живущий во мне, —
 это белое братство снегов,
Песни метелей над Вяткой,
 Сибирью и над Магаданом.
Голос, живущий во мне, —
 это несколько капель стихов,
С неба сорвавшихся
 над многогласных речей океаном.

Голос, живущий во мне, —
 это больше, чем звук, но притом
Тише, чем эхо шаманского бубна
 и медного горна.
Так ли скрипят половицы,
 когда входит странник в твой дом?
Так ли над храмом соборным
 ветра затихают покорно?

Слышишь – над полем осенним
 басами гудят провода.
Видишь – вдали паровозный дымок

уходящего детства.
Веришь ли в то, что открыла тебе
ключевая вода?
Примешь ли горькую память,
как лучшее в мире наследство?

Красный кленовый октябрь
и зелёные мхи на камнях.
Нет никого под камнями —
давно всё смешалось с землёю.
Склепы, распятия,
всадники на легкокрылых конях,
Мраморный Дмитрий Донской,
колесница с Пророком Ильёю.

Белая гвардия – каждому
собственный крест. А за стеной
Бедная гвардия – общая участь,
один общий камень...
Холод времён пробирает,
когда притулишься спиной
К старой часовне, закуришь
и в предка упрёшься ногами.

Голос, живущий во мне,
не утихни, строку не сломай.
Нужно ли это кому-то?
Себя убедить не пытайся.

Где-то вдали за Даниловским кладбищем
звякнул трамвай.

Колокол охнул, как сердце,
на крик воронёнка – останься!..

Голос, живущий во мне...

Октябрь 2008

Пражский рыцарь

Бледнолицый страж над плеском века.

Рыцарь, рыцарь, стерегущий реку...

М. И. Цветаева¹

Прислонясь к пятнадцатому веку,
Мы, туристы, выглядим нелепо.
Пражский рыцарь, стерегущий реку, —
Брат Марины, улетевшей в небо, —

Обнаживший меч не ради битвы —
Ради мира в этом старом граде,
Подскажите нам слова молитвы,
Бога ради.

Покажите, где живая рана
Горячит под мёртвою водою.
Зла в себе не держит Злата Прага
И врачует строгой красотою.

Мы спешим послушною оравой
Вслед за гидом. Промедленье – роскошь.

¹ Марина Ивановна Цветаева ассоциировала себя со статуей пражского рыцаря Брунсвика. «Если у меня есть ангел-хранитель, то с его лицом, его львом и его мечом», – писала она.

И гудит над медленною Влтавой
Карлов мост Ваш.

Рыцарь Брунsvик – одинокий воин
В стороне от мира и от Праги, —
Он свободен, светел и спокоен,
Как Марина над листком бумаги.

Может быть, в осенней круговерти
Не сберечь и этого листочка.
Может быть, всей жизни после смерти —
Только строчка...

Объектив освобождён от кофра,
Субъективен к цвету чёрный камень,
Увлечённо щёлкает фотограф,
А у нас – как бездна под ногами.

К Староместской площади мы вышли
Чуть другими – странная картина.
А с небес на нас глядел Всевышний —
И Марина.

Февраль 2016

Игорю Царёву

*Всё по часам – и плачешь, и пророчишь,
Но, временем отмеченный с пелёнок,
Чураешься и ролексов, и прочих
Сосредоточий хитрых шестерёнок.
Они не лечат – бьют и изнуряют.
И точностью, как бесом, одержимы,
Хотя не время жизни измеряют,
А только степень сжатия пружины.
И ты не споришь с ними, ты боишься —
И без того отпущенное скудно.
Торопишься, витийствуешь и длишься,
Изрубленный судьбою посекундно.
Спешишь сорить словами-семенами —
Наивный, близорукий, узкоплечий,
Пока часы иными временами
И вовсе не лишили дара речи.*

Игорь Царёв²

Весь апрель никому не верь,
Да не верится в ту примету.
За поэтом закрылась дверь.
Светлым был – и ушёл по свету.

² Царёв (Могила) Игорь Вадимович (1955—2013), поэт, писатель, журналист. Лауреат премии «Поэт года – 2012». Один из самых ярких современных лириков. Родился на Дальнем Востоке, жил в Москве.

Несусветная наша жизнь,
Суета, маета, работа...
Вспоминаем опять кого-то,
Лишь споткнувшись о край межи.

В сотый раз – тот же самый ход,
Не убавить и не прибавить.
Верный рыцарству Дон Кихот
Был всегда равнодушен к славе.

И – взаимно. Она к нему
Тоже нежности не питала,
Потому что ничтожно мало
Её блеска – рассеять тьму.

Нужен свет – не слепящий, нет:
Мы и так, как щенки, слепые.
Нужен тихий, спокойный свет, —
Отряхнуть от чердачной пыли

Наши души, заштопать их,
Сердцу певчему дать свободу
И, как будто живую воду,
Пить пригоршнями чистый стих.

Но часы на стене – тик-так,
Волос бел и спина сутула.
Позабытый его пиджак

Остаётся на спинке стула.

Стали светлыми небеса,

Принимая легко поэта.

В этот день было столько света,

Что слезились у всех глаза.

Апрель 2013

Борису Чичибабину

*Поэт – что малое дитя.
Он верит женищинам и соснам,
И стих, написанный шутя,
Как жизнь, священ и неосознан.
То громыхает, как пророк,
А то дурачится, как клоун,
Бог весть, зачем и для кого он,
Пойдёт ли будущему впрок.
Как сон, от быта отрешён,
И кто прочтёт и чем навеян?
У древней тайны вдохновенья
Напрасно спрашивать резон.
Но перед тем как сесть за стол
И прежде чем стихам начаться,
Я твердо ведаю, за что
Меня не жалует начальство.
Я б не сложил и пары слов,
Когда б судьбы мирской горнило
Моих висков не опалило,
Души моей не потрясло.*

Борис Чичибабин³

По ранней позёмке, по лужам
Шагает, одетый тепло,

³ Чичибабин (Полушин) Борис Алексеевич (1923—1994), русский поэт, один из классиков поэзии XX века, жил в Харькове.

Борис Алексеич Полушин —
Бухгалтер в трамвайном депо.

Рукой прикрывая зевоту,
Сморкаясь в линялый платок,
Торопится он на работу.
Скользит под ногами ледок.

Друг друга толкают плечами,
Штурмуя трамвайный вагон,
Его земляки-харьковчане,
Такие же с виду, как он.

И общей толкучке послушен,
Сжимает казённый билет
Борис Алексеич Полушин —
Без права на Слово поэт.

«На ты» с нелюдимой судьбою,
Он права достиг одного:
Жить в мире с людьми и с собою —
И быть не от мира сего.

Заветные строки до срока
Под спудом тяжёлым лежат.
Терниста к свободе дорога,
Непреодолима межа.

И всё же, и всё же, и всё же
Не выпита чаша до дна.
Ударит морозом по коже
Звонящая строчка одна,

Заставит рыдать и смеяться,
Зажжётся свечой на окне, —
И мысли о том, чтобы сдаться,
Сгорят в её чистом огне.

Взойдёт, говорят, что посеешь.
Захочешь свернуть – да нельзя.
Не Вам ли, Борис Алексеич,
Дарована эта стезя?

Октябрь 2013

Александр Шарову

В узелок положи мне на счастье
То, что в трудной дороге поможет:
Уголёк, который не гаснет,
Ключик, ножик да медный грошик.

Помашу тебе рукой в оконце, —
И пойду Простаком⁴ я босым
Прочь из дома – туда, где солнце
Отражается в каплях росы.

Июнь 1994

⁴ Шаров Александр Израильевич (1909—1984), писатель-сказочник. Его книгу «Человек-горошина и Простак» люблю с детства.

Месяц

*Снова месяц висит ятаганом...
Павел Коган*

Месяц взвился в небо ятаганом,
Как его клинок остёр!
То ли светят звёзды над курганом,
То ль вдали горит костёр.

Путь наш никогда не будет близким,
Хоть всю гони коней
Степью – по камням, по обелискам
Да по волнам ковылей.

Думы, как сухарики в котомке,
Переломаны, черны.
Воля – а мы всё рыщем, словно волки,
Всё бежим, как от чумы.

Долго слышно, как тоскует песня,
Уплывая за курган.
Только всё грозит из поднебесья
Нашим душам ятаган.

Апрель 1994

Время

1

Время всё чаще приносит печальные вести,
Не прибавляя ни песен, ни встреч, ни улыбок.
Кружку по кругу непустишь: собравшимся вместе
Не за что выпить. И круг этот зябок и зыбок.

Выйдешь из дома за хлебом – вернёшься не скоро.
Хлеб нынче горек – а сладким он, в сущности, не был.
Выйдешь – с холма обернись и запомни свой город.
Просто запомни, что вышел ты просто за хлебом.

Нет, не бывает разлук на минуту, на вечер.
Если разлука – навечно. И даже при встрече,
Руку пожав, ощущаешь – расстались навечно,
Встретились поздно, другими, остались далече.

Время подкинет козырные новые карты.
Время обманет, но честно, – ты знал, что обманет.
Что ж ты стремился в поэты, в художники, в барды?
Все эти песни, картины растают в тумане.

Вот и стоишь ты на старой разбитой дороге,

Вот и не в силах шагнуть. Где найти эти силы?
Надо идти. Подгоняют пропетые строки,
Гонят мазки на холсте: будь уверенней, милый.

Ты же так смело писал о любви и о смерти,
Ты же всё знал о расплате за смелость такую.
Что же – иди и не бойся земной круговерти.
Время подарит тебе круговерть неземную.

2

Всё меньше нас на этом берегу,
Всё крепче держат нити Гулливера.
Подчинена иным понятиям вера.
Я ничего поделаться не могу.

Писать и петь бессмысленно уже,
Кричать или шептать нет смысла тоже.
Дешевле стала жизнь, а смерть дороже,
И мира нет ни в мире, ни в душе.

Повремени, мой ангел, посиди
Вдвоём со мной на старой доброй кухне.
Пока над головой снаряд не ухнет,
Свети, моя коптилочка, свети.

Всё горше человеческий исход.
Во сне тревожно вздрагивают дети.
Блокадная зима на всей планете,
Стремительно стареет Новый год.

Всё меньше нас. И всё же – не грусти,
И всё же улыбнись, взмахни крылами,
Мой ангел, – ты всегда был между нами
Посредником и светом на пути.

Стикс подо льдом. А где-то в глубине
Горит свеча упавшею звездою.
Когда я стану дымом над водою,
Лишь ты, быть может, вспомнишь обо мне.

Январь-февраль 2015

«Слишком остро, конечно же...»

Слишком остро, конечно же,
всё это слишком остро —
Белизна снеговых широт,
синева высот.

Мы с тобой полетим
на какой-нибудь дальний остров,
Где нет сотовой связи,
где вязью пчелиных сот

Разукрашено солнце
смешнучее, в конопушках,
Где подёрнута влагой
старинных дубов кора,
Где из форта над гаванью
в полдень стреляет пушка,
А к полуночи входит в гавань
большой корабль.

Это лето, конечно же,
всё это наше лето.
Это мы предъявляем
разлукам закрытый счёт.
Слишком много зелёных листьев,
тепла и света

Никогда не бывает.
Всё время – ещё, ещё!

Ночь в окошках небесных
уже зажигает свечи.
Ни о чём не жалеть —
это всё для себя решить.
Слишком просто шагнуть
синеве и ветрам навстречу
И остаться на краешке мира,
и просто жить.

Февраль 2012

Островок

Вот и стало хорошо, где нас нет.
Стёрли память в порошок жернова.
Сколько зим, ты говоришь, сколько лет?
Между строчек проросла трын-трава.

Ни проехать, ни пройти... Что с того,
Что нам выпало летать между звёзд?
В океане есть один островок,
На который путь один – звёздный мост.

Там, на острове зима – не зима.
Там в ночи всё те же песни звучат.
Там шиповник, резеда, бузина,
И рассветом край земли не почат.

Там тропа тебя ведёт, как сестра,
Крепко за руку держа, – не споткнись.
Там ушедшие друзья у костра
Вечерами пьют, как прежде, за жизнь.

С ними холодно-тепло-горячо
Нам на этом берегу тишины.
Но внезапно тронет ночь за плечо:
Там, где нет нас, – хорошо. Где же мы?

Всё пройдёт, ты говоришь, всё пройдёт,
И рассвет перехлестнёт через край.
Мост качнётся – и звезда упадёт.
Загадай вернуться в срок, загадай.

Июнь 2015

Колыбельная маяка

Марии Маховой

Шторма утихают.

Она закрывает глаза.

Из рук её, выскользнув, падает на пол тетрадь.

Ведь должен же быть кто-то «против»,

где все – только «за».

Ведь должен же кто-то огонь маяка зажигать.

В портовой таверне гуляет фартовый народ.

Всевышний беспечно следит

за вращением планет.

А рында рыдает в ночи и на помощь зовёт.

На помощь зовёт —

и как будто спасения нет.

Зажала в тиски нашу Землю холодная тьма,

И колет шипами штурвальная роза ветров.

Но должен быть кто-то

ещё не сошедший с ума

В тоске сумасшедшей,

в безумии шумных пиров.

Она открывает глаза.

Здесь никто никому
Не должен, конечно.

Но кто-то стоит у руля.
И тоненький луч прорезает кромешную тьму,
И радостный крик раздаётся:
«По курсу – земля!»

Всё верно, всё правильно.

Делай, что **должно**, – и пусть
Рассвет будет ярким, а море – спокойным. Пока
Она видит сны, тот корабль отправляется в путь,
На крыльях своих унося свет её маяка.

Март 2015

Птица

Елене Касьян⁵

Парящей над бездной,
живущей у самого края,
Не спящей в ночи
от внезапно возникшей тревоги
Господь зажигает свечу.
И она, догорая,
Сияет звездой путеводной тому, кто в дороге.

Тому, кто, как лист,
оторвался от ветки однажды
И, ветром гонимый,
летит над землёю осенней,
Тому, кто, упав у ручья,
умирает от жажды,
Небесной свечи маячок дарит веру в спасенье.

Не сложно пройти по черте,
нарисованной мелом.
Не просто понять за чертой,
как мы все одиноки.

⁵ Елена Касьян (1970—2019), поющий поэт, один из самых ярких современных лириков. Родилась во Львове, в последние годы жила в Харькове.

Летящая птица не властна
над собственным телом,
Когда оперение рвут вихревые потоки.

И падает птица —
но, кажется, будто взлетает.
И пламя всё ярче,
и небо всё ближе и ближе.
И тьма отступает,
и над горизонтом светает.
И ветер, стихая, полынные волны колышет.

Декабрь 2018

На красных скалах

На красных скалах, брат мой «Пересвет»⁶,
Мы посидим – две раненые птицы —
Там, где размыты времени границы:
Ни прошлого, ни будущего нет.

Там только море, небо и ещё
В закатный цвет окрашенные камни.
И может быть, я поживу, пока мне
Ты подставляешь ржавое плечо.

Десятки ран в твоей стальной груди:
Ты был мишенью для морских орудий.
Тебя на отмель выбросили люди,
В тумане сбившись с верного пути.

Теперь мы оба, брат мой, на мели.
Наш порт приписки – адмиральский остров,
Где якоря крестами над погостом
И траверсом над морем – край земли.

На красных скалах, брат мой «Пересвет»,
Вся наша жизнь – кочующее лето.

⁶ Старый корабль «Пересвет» в 70-х годах посажен на рифы у острова Рейнеке в Японском море (недалеко от Владивостока) и с тех пор находится там.

По золотым полянам первоцвета,
По радуге давно минувших лет

Я к силуэту твоему бегу.
Стать ветром и волной – судьба такая.
И может быть, ты поживёшь, пока я
Ещё пою на этом берегу.

Сентябрь 2018

О белом ирисе

Утренний остров Рейнеке, кофе на костерке.
Если во что и верится – в здешнюю тишину.
Если о чём и помнится – только о пустаке,
Только о белом ирисе и о тропе к нему.

Мы поспешили с возрастом резко уйти вперёд
К лучшему или к худшему – выяснится в конце.
Крылья даются каждому – важно начать полёт,
Выстроить ноты правильно и отыграть концерт.

Важно понять мелодию, строчку не упустить,
Важно вернуться вовремя и перестроить шаг.
Жизнь на запястье фенечкой вяжет простую нить,
Память о белом ирисе вечно хранит душа.

Вечное лето острова, красных его камней,
Лодочка перевозчика через пролив Ликандр⁷.
Если однажды сбудется, мы поплывём на ней.
Остров, тропа, история, белый цветок, стоп-кадр...

Июль 2019

⁷ Правильное название – пролив Ликандера. Белый ирис – легенда острова Рейнеке.

По проходным дворам Владивостока

1

Духи города, где вы,
хранители старых подъездов?
Ключ под ковриком, ящик для писем,
цветы во дворе...

Духи города, где вы,
весёлые ангелы детства?
С кем играть в новом веке
родившейся здесь детворе?

Всюду офисы, двери железные,
джипы у входа...
Где театрик-мансарда со сказкой,
закутанной в плед?
Я хожу по осколкам
старинного Нового Года,
Я пытаюсь нащупать
оставленный временем след.

2

По проходным дворам Владивостока
 ткёт осень золотую паутину,
И отступают вечные туманы,
 и чайки ошалелые кричат.
Сентябрь-художник школьной акварелью
 дописывает в сумерках картину,
Где в парусах Летучего Голландца
 горит звезда, как эльмова свеча.

По проходным дворам Владивостока
 между камней сырых и молчаливых
По лестницам скрипящим, словно трапы
 причаливших навеки кораблей,
Проходит осень. И восточный ветер,
 соединяя воды двух заливов,
За островами пожинает бурю,
 как злаки с колосящихся полей.

Я прохожу сквозь выгнутые арки,
 дворы проходят сквозь меня, как кадры
Отснятого когда-то кинофильма
 о детстве и о сказочных морях.
Но в полночь в бухте Золотого Рога
 возникнут мачты призрачной эскадры,

И задымит на рейде «Петропавловск»,
а рядом с ним не сдавшийся «Варяг».

И я увижу сквозь дымы Цусиму,
позор и поражение Порт-Артура,
И красные знамёна над Сучаном,
и триколор, простреленный свинцом,
И в Спасске паровозной топки пламя.
И то, что пуля – всё-таки не дура,
Докажет мне конвой на пересылке
и новый век с ухоженным лицом.

По проходным дворам Владивостока
домохозяйек греет бабье лето,
На бельевых верёвках сохнут вещи,
попавшие недавно под тайфун,
И школьники поют о бригаantine, —
и очень обнадёживает это,
Поскольку доброта неизмерима,
а лиха, как известно, только фунт.

Июнь 2003

Миллионка

Кем ты бредишь, с кем ты бродишь —
Брюки клёш, душа навывпуск?
В рейс уходит старый кореш.
Бог – не фраер, он не выдаст
Город мой, давно открытый,
Сторона моя, сторонка.
У разбитого корыта
Коротает Миллионка⁸
Век двадцатый, двадцать первый.
Только б не остановиться,
Только б выдержали нервы.
Перевёрнута страница:
Стен кирпичных обветшалость,
Паровоза голос звонкий.
Никому – какая жалость —
Дела нет до Миллионки.

Как портовая девчонка —
Глаз-алмаз, губа не дура —
Привечала Миллионка
Комсомольца Баневура.
Миллионов не водилось
У шпаны в карманах рваных,

⁸ Миллионка – старый район Владивостока, городские трущобы.

Но в подвалах находилось
От «лимонки» до нагана.
И ножи за голенища,
Тесаки японцев пленных
Для разбора-толковища
Во дворах послевоенных.
Но звала уже дорога
В небо стайей голубиной,
И почтовые до срока
Улетали на чужбину.

На чужбине много света,
А своя душа – потёмки.
Зеленеет надпись «ГЕТТО»
На руинах Миллионки,
Где ни чёрта нет, ни Бога, —
Остров Робинзона Крузо.
В бухте Золотого Рога
Грузно сохнут сухогрузы
И грустят об океане:
«Ну-ка, ветер, в порт повея нам!»
Солнце плавает в стакане
С трёхсемёрочным портвейном.
Вот бы времени разбег дать!
Но – вразвалочку походка —
С Океанского проспекта
Прочь уходит Миллионка...

Апрель 2001

Дома под снос

Дома без досок мемориальных,
Где из великих никто не жил,
Под снос уходят. В районах спальных
Пустеют быстро их этажи.

Ещё немного – и беспощадно
Ударит молот стене под дых.
И словно птицы, над стройплощадкой
Взовьются души их домовых.

Там, где недавно ступеньки пели,
Скрипели ставни, цвела сирень, —
Грохочет стройка. И в самом деле,
Кому он нужен – вчерашний день?..

Казалось, дому не будет сноса,
И я несносным бывал порой.
Теперь, как чайки, летим с откоса,
Оставив место под новострой.

Затихнут скрипы, растают тени,
Огни рекламы разрежут ночь.
Уложит скрипку сверчок столетний
И с Миллионки уедет прочь.

Так постепенно, ни с кем не споря,
Меняет город своё лицо...
А неизменно одно лишь море.
В него уйдём мы, в конце концов.

Октябрь 2018

Зимние ангелы

Дымное солнце над Владивостоком,
Снега на грош, третий день декабря,
В пробках машины. А в небе высоком
Ангелы наши незримо парят.

Город портовый они охраняют,
Как только могут, от стылых ветров,
И простывают, и слёзы роняют.
Жалко, для ангелов нет докторов.

Где-то в мансарде старинного дома
Около тёплой каминной трубы
С медным ковшом капитанского рома
Пишут нам ангелы Книгу Судьбы.

Радость и горе, прощанья и встречи —
Всё предусмотрено в ней наперёд.
Ангелы гасят оплывшие свечи, —
Утром опять подниматься в полёт,

Чтобы дорога была безопасна,
Чтоб не запутались наши следы.
Ангелы справятся, ангелам ясно —
С нами в пути не случится беды.

Тихая бухта вздыхает о лете,
Вьётся над Угольной серая гарь,
А на Окатовой и на Столетье
Пишет по стёклам картины декабрь.

Вечером город огнями украшен.
В небо мы смотрим и машем рукой:
Спите спокойно, хранители наши,
Ангелам тоже положен покой.

Октябрь 2013

Портовый шум

*Вы теперь, пожалуйста, на карте
Отыщите порт Владивосток...*

Юрий Визбор

За стеною посудой гремит сосед,
Бьёт капель в жестяной карниз.
Выходя из себя, выключаю свет,
По перилам съезжаю вниз.

Я съезжаю с ума, как фартовый шут,
Подшутивший сам над собой.
Я съезжаю туда, где портовый шум
И весна, что ушла в запой.

Боцман – старый прокуренный контрабас —
Прогудит на ходу: «Салют!»
Это город мне дарит последний шанс
К тем вернуться, кого люблю:

К переулкам, мостам, проходным дворам,
К белым чайкам над головой
И к туманам, густеющим по утрам
Над Светланской и Луговой.

Это я, мой друг, двадцать лет назад

Открывающий все пути.
Это я – твой выбывший адресат,
Ты меня в толчее найди.

Я стою у аптеки, ловлю такси.
А что будет со мной не так —
Ты, портовый город, меня спаси
И подай мне при встрече знак.

Скажет город в ответ: «Оглянись давай!
Вот он, знак, не проспй его:
У «Зелёной лампы» свернул трамвай.
Рельсов нет? Ну, и что с того!

Зря ли вечно, сумеркам вопреки,
Ищешь ты в облаках просвет?
Посмотри: сквозь пальцы твоей руки
Океанский течёт проспект».

Я стою, улыбаясь. Спасибо, друг,
Что о жизни напомнил мне!
Вот афишка полощется на ветру —
Мой сигнальный флажок весне.

Я по старым сходням с ума схожу
В синий ветренный окоём.
И меня обнимает портовый шум,
И я вмиг растворяюсь в нём.

Апрель 2015

Пушкинская улица

*Где бы ни ходил, ни плавал,
Всё равно в родную гавань
Я вернусь к тебе, Владивосток...
Александр Бурнаевский*

Горожане спрятали зонты,
Океан объятья распостёр.
С шумного проспекта Красоты
Вниз меня везёт фуникулёр.

А внизу в неброской красоте,
Как из фильма памяти стоп-кадр,
Проплывает университет
И старинный Пушкинский театр.

Календарь кленовый в октябре
Обрывает за листком листок
И пелёнки сохнут во дворе.
Это старый мой Владивосток.

Там пацан в тельняшке смотрит вдаль,
Треплет ветерок его вихры.
Годы пролетели – и едва ль
Я найду приметы той поры.

Новости гремят со всех сторон,
Тянет из-за острова грозу.
Я на тротуар, как на перрон,
Выйду из вагончика внизу.

И как будто не было тех лет,
И как будто нет ещё моста.
И склонился бронзовый поэт.
Шаг – и он покинет пьедестал.

Шаг – и где-то на другом конце
Города звучат его слова.
И Высоцкий, отыграв концерт,
Курит возле каменного льва.

И в мансарде снова до утра
Светится окошко, как маяк.
Не грусти! Всему своя пора,
Пушкинская улица моя.

Июнь 2015

Элеонора

*...Нигде мне не будет так хорошо, как
в этом неухоженном, но прекрасном месте. Ибо
именно здесь прошла лучшая часть моей жизни.*

Элеонора Прей⁹, Владивосток

Не грусти, что кораблик уплыл
И обратно вернётся не скоро.
Не грусти, – не хватает чернил...
И над письмами Элеонора
Проливает слезу, – и слеза
В волны строки её обращает.
Поднимает корабль паруса
И прощается с ней. И прощает
Ей разлуку – почтовый конверт —
Остающийся дом с мезонином
И тот город, стремящийся вверх,
В облака над Амурским заливом.

Как давно – Боже мой, как давно
Били склянки на старом корвете, —
И она открывала окно,

⁹ Элеонора Прей (1868—1954), американка, с 1894 по 1930 годы жившая во Владивостоке. Описала городскую жизнь в письмах, получивших известность в 21 веке. Во Владивостоке ей открыт памятник.

И трепал её волосы ветер.
Жизнь прожить – не перо обмакнуть
В синеву, – не хватает простора.
По волнам отправляется в путь
На кораблике Элеонора.
Не грусти! Запечатай конверт,
Обучайся у чаек отваге
Жить без дома, как старый корвет
С парусами из тонкой бумаги.

Октябрь 2016

Колокола

По ком на родине звонят колокола —
Морские рынды затонувших кораблей?
Душа застирана от соли добела, —
Не разглядеть полоски тёмные на ней.

Как чайка белая, над городом парит
И растворяется в тумане навсегда.
Прощай-прощай от Эгершельда до Зари.
Погода лётная, солёная вода.

Прощай-прощай, наш музыкальный чердачок —
Шкатулка с песнями, окошко на залив.
Оплачен гамбургский, но не кабацкий счёт.
Уходим, ни гроша с собой не захватив.

Мигают бакены созвездьями в ночи,
Мерцают свечи в кельях маленьких кают.
О ком-то близком в небе колокол молчит.
О ком-то дальнем склянки на море поют.

Январь 2016

Гостинка

Как хорошо мы плохо жили...
Борис Рыжий

Тюремный коридор малосемейки,
Седьмой этаж и нерабочий лифт.
Мы в этих стенах сотворить сумели
Весёлый мир с окном не на залив,
А лишь на крыши, на кольцо трамвая.
Баляева, а дальше Луговая,
Ветра и чайки, чайки да ветра,
И разговор за чаем до утра.

Наш мир обогащался не деньгами,
А песенками, коим грош цена,
Весенним гололёдом под ногами,
Стаканчиком дешёвого вина,
Десятком верных зрителей в подвале,
Что гордо мы «аншлагом» называли,
Хватая жизнь буквально за обшлаг.
Нам дорог был наш маленький «аншлаг».

Итог закономерен и печален:
В руках журавль, синица в небесах,
Швартовный кнехт на островном причале

И первые снежинки в волосах.
Проигран мир, как старая пластинка.
Мы выключаем свет. Прощай, гостинка!
Пусть будет здесь уютнее другим.
Маршрутка ходит на «Ородруин».

Март 2019

Между небом и волной

Ни воды морской, ни лиха я
Не хлебнул ещё пока.
До свиданья, бухта Тихая,
За окошком облака.

Задрожала стрелка компаса
Там, где нас уже не ждут,
Тридцать первого автобуса
Закругляется маршрут.

Там над морем скалы высятся
И ступенями дома.
Там под утро лечь, не выспаться
Проще, чем сойти с ума

От потерянного образа,
Недописанной строки
И тоски, что душу год назад
Разрывала в лоскутки,

А теперь, тихонько тикая,
Чуть пульсирует в груди.
До свиданья, бухта Тихая, —
До того, что впереди

Нам обещано дорогою,
Возвращающей домой, —
Бесконечной и высокою
Между небом и волной.

Декабрь 2016

Город солёных ветров

*Открыт закрытый порт Владивосток...
Владимир Высоцкий*

На пограничье неназванных стран,
Неисчислимых миров,
Словно подлодка, уходит в туман
Город солёных ветров.

Там я однажды покину вагон
И, растворяясь в тиши,
Щепочку тела подкину в огонь,
В море – щепотку души.

Кончится время в песочных часах,
Чтобы начаться с нуля:
Небо в глазах, седина в волосах,
Вечное «право руля»,

Вечное лето, по курсу маяк,
Синяя гладь и восторг,
Чайки над городом, радость моя,
Солнечный Владивосток.

Всё возвращается – только поверь

В силу своих парусов.
Время находок и время потерь
В колбе песочных часов

Перемешалось – и живы все те,
Кто не бросал якорей.
И субмариной скользит по воде
Город свободы моей.

Июль 2019

«Когда-нибудь, тяжёлый на подъём...»

Когда-нибудь, тяжёлый на подъём,
я поднимусь легко
Над мостовой, над струнами моста,
звнящими под ветром.
И город мой, благословив меня,
проводит далеко.
Расстаться с ним – бродяге со своим
сто первым километром.

Как много здесь оставлено следов,
исхожено дорог!
Словно гимнаст под ярмарочный гул
по проволоке тонкой,
По проходным дворам я прохожу.
И делает виток
Душа моя, как чайка в облаках
над старой Миллионкой.

Владивосток – туманы и дожди
над Рогом Золотым.
Литой трубач под знаменем застыл,
всегда вперёдсмотрящий.
Сквозь времена, сквозь ветры перемен

и паровозный дым
Он видит вновь седые крейсера
и парусник летящий.

Когда-нибудь я возвращусь туда,
где было всё не зря —
Портовый шум, трамвайные звонки,
ненайденные клады, —
Где, как бы ни тянули вниз меня
стальные якоря,
Всегда поднимут в небо паруса
«Надежды» и «Паллады».

Февраль 2012

«Как просто приходит осень ...»

Как просто приходит осень —
Без бури, без гроз.
Лишь скрипнут земные оси
Небесных колёс.

Постскриптумом – бабье лето,
Чьи краски просты,
И словно веночек сонетов —
Венец из листвы.

А мне по колено море
В раскисшем дворе,
А мне стороною горе.
Всё точки-тире:

Стучит по стеклу морзянка
Скрипичным ключом.
А в том, что бывает зябко,
Никто не при чём.

А то, что бывает тяжко,
Спишу не спеша.
На флотской груди тельняшка,
В полоску душа.

Сентябрь за окном шаманит
Почти что сто лет.
А струны лежат в кармане,
А книжка – в столе...

Сентябрь 1998

За Великой Дугой

И. А. Ефремову¹⁰

Там, где древние стены
Исчезают за миг,
На краю Ойкумены
Не кончается мир.

Из простого сюжета
Вырастает роман —
И корабль Баурджеда
Держит курс в океан.

Где огромные звёзды
Выше всех пирамид,
А Земля – только остров,
Продолжается мир.

Где папирусный парус
Разрывают ветра,
Мореходу осталось
Верить в силу пера.

У творца под рукою

¹⁰ Ефремов Иван Антонович (1908—1972), писатель, учёный-палеонтолог.

Только шорох страниц.
За Великой Дугою —
Ни царей, ни границ.

Как Вселенной ужиться
С теснотою квартир?
Книга в руки ложится —
И рождается мир.

Октябрь 2018

«Прощальный парус скрылся вдалеке...»

*На нашем острове нет грачей —
Мы пожалеем об этом после...
Ольга Левковская*

Прощальный парус скрылся вдалеке,
Нелепа мысль о зрелищах и хлебе.
Синица-осень замерла в руке,
Журавлик-лето растворился в небе.

На острове беспечная пора,
Её тепла ещё надолго хватит.
Ещё ручными кажутся ветра
И розовеет море на закате.

Задумчиво глядит на белый свет
Маяк старинный на осколке суши,
И горький дым полночных сигарет
Печалью лёгкой наполняет души.

Когда под утро пара строчек вдруг
Родится за бессонницу в награду,
Синица-осень выпорхнет из рук
И улетит навстречу снегопаду.

Декабрь 1992

Лодочка

Навстречу ветру полусонному
Плывёт, качаясь, наша лодочка,
И впереди обозначается
Скалистый берег островка.
Когда мы жили по-особому,
У нас легка была походочка,
Как у пера, когда случается
Невыразимая строка.

Когда б мы жили только звуками,
Дружили с рыбами летучими, —
Быть может, реже провожали бы
Друг друга в дальние миры.
Но голова полна науками,
Что бесполезны там, за тучами.
Своих задач не дорешали мы
И отложили до поры.

А не отложенные практики
И неотложные теории
Нас обучали ложным правилам
Не открывать ни рта, ни глаз.
Но мы, пройдя снегами Арктики,
Спускались по камням истории.

Нас огранила жизнь, оправила,
Но не отправила в запас.

И вот на лодочке двухвёсельной,
Что так смешно зовётся яликом,
Плывём всё дальше мы – и просто вам
Наш век с улыбкой вспоминать.
А кто там, на пороге осени
Сигналит солнечным фонариком
И что там, за скалистым островом, —
Нам предстоит ещё узнать.

Октябрь 2016

Ладони Крыма

*Море вынесет к детским ладошкам
кусочек янтаря,
В серединке которого
вместо комарика – Грусть...*

Шухрат Хусаинов

Легко, как бабочка с татарского клинка,
Душа взлетает.
А чтобы жизнь была безоблачно-легка —
Так не бывает.

И часто мелочи нам кажутся сильней
В миру бескрылом...
Но, слава Богу, нам дано на восемь дней
Свиданье с Крымом.

Мы на камнях неопалимой купиной
Под вечным солнцем
Сгорали так, что нам казалась ледяной
Вода в колодце

И молоко – вкусней и слаще крымских вин.
И жаркий ветер
Легко рассеивал наш многолетний сплин —
Тоску о лете.

А лето весело махало с катерка
Пиратским флагом,
Мерцало рыжим огонёчком костерка
Под Аю-Дагом

И не жалело наших плеч – и мы в его
Прибой бросались,
Из долгих зим не вспоминая ничего,
Себе на зависть.

Нам будет сниться этот солнечный Гурзуф
Неодолимо.
Нас восемь дней легко держали на весу
Ладони Крыма,

Нам тихо пела черноморская волна
Или шептала.
И крылья бабочки дрожали, но она
Не улетала.

Июль 2012

Южный путь

Винил и магнитные ленты сменились на цифру.
Не сядешь без паспорта в поезд, билет не дадут.
И новая церковь пристроена к старому цирку.
Для старых проблем двери закрыты в Новом году.

Диспетчер путей сообщения пойман на взятке,
Перрон опустел, электричка вильнула хвостом.
Менять города поздновато на пятом десятке,
На гривны рубли обменяв и на запад – восток.

Машина – не птица совсем, а поди ж ты – взлетает!
Качаются над облаками два вечных крыла.
Янтарно-серебряной розой весна расцветает
На наших руках, чтобы доброю встреча была.

Но что б ни горело, ни ухало в этих моторах,
Без хрупких каких-то вещей мир не объединить.
На магах стихийных он держится, на волонтерах,
На людях, которые тянут незримую нить.

Ах, тёплый виниловый шорох из восьмидесятых,
Где первую песенку я в три аккорда сложил,
Где торт на пятнадцать республик и нас вместе взятых
Творцы перестройки тихонечко взяли в ножи...

Январь 2010

Киевская зарисовка

Ещё осенний Киев и немного
Румяных яблок на цветном Подоле,
И золото Печерских куполов
В голубизне днепровского порога
Отражено. И каждому по доле
Назначено с высоких облаков,

Из высших сфер, где голоса иные,
О прошлом и о будущем печалюсь,
Поют на непонятном языке.
И подпевают им ветра степные,
И вдаль плывёт, как лодочка, качаясь,
Простреленная кобза по реке.

Апрель 2019

Львовская зарисовка

В кафешке на площади Рынок
мы ели лазанью,
По скользкой брусчатке
мела за окном метель.
Город был верен всегда
своему названию —
И не менял он имени,
даже когда с петель

Ворота срывала война
в близлежащей Польше,
Или когда с востока неслись ветра.
Мы были на пару дней
гостями его, не больше.
И циферблат на ратуше
напоминал: «Пора!»

Мы за руки брались,
боясь упустить всё это:
Порхающий снег,
в тиши колокольный звон,
Двенадцать ступеней вверх
по строкам сонета
И камень средневековый

со всех сторон.

В январское утро
запомни ты нас такими
Беспечными серыми птицами,
старый Львов.
Как этому городу,
нам ни язык, ни имя
Дай Бог не менять
в эпоху больших снегов.

Февраль 2012

Скрипач над Харьковом

Снова стали дни короткими, морозными,
Дышат паром на вокзале поезда.
Собирались посмотреть на паровозы мы,
Да уехали надолго, навсегда.

Укатало лето нас крутыми горками,
Принесла пургу сорока на хвосте.
Стынут новые скамейки в парке Горького —
В парке горького вина и новостей.

На Сумской скользит брусчатка под колёсами,
На Бурсацком спуске снега – завались.
Собирались в Новый год войти тверёзыми,
Только праздники опять не задались.

Дым сгоревшего отечества отхаркивать,
Может быть, придётся много лет потом.
Но склонился в тишине скрипач над Харьковом.
Нам услышать бы, о чём играет он.

Декабрь 2018

Хабаровск – Харьков

Между городом Ха и городом Ха —
Вся страна изо льна и мха,
Из дощатых сараев и пьяных рож,
Из полей, где овёс да рожь.

Где густеет в ночи грозовая мгла,
Невесомо несут крыла
Из далёкого города Ха – в город Ха
Пару строк моего стиха.

Я вчера был неправ, а сегодня прав,
Но едва ли я стал другим.
Сколько будут ещё нас хватать за рукав,
Сколько раз перепишут гимн?

Сколько будет Левше крутить потроха
Неподкованная блоха?
У меня на востоке лежит город Ха
И на западе – город Ха.

На востоке Амур потерял берега,
Репетируя новый потоп.
А на западе тихая Лопань-река
По-осеннему морщит лоб,

И по городу Ха под крик петуха
Разлетаются миражи.
Обнимает рассвет оба города Ха,
Где мне выпала честь пожить.

Что там, в писаной торбе? Дешёвый товар —
Пара сотен стихов, пустяк.
Мне по Рымарской на Уссурийский бульвар
Не спуститься, увы, никак.

Но когда небеса на удачу скупы
И погода весь день плоха,
Остаётся в ответ на причуды судьбы
Усмехаться тихонько: «Ха!»

Сентябрь 2013

Хабаровск

М. П. Журавлёву¹¹

Вот и апрель, растаял снег в моём дворе,
Стучит берёзовая ветка по стеклу.
А помнишь, как мы тосковали в январе
По бликам солнца, по весеннему теплу?

И лишь полночных кухонь дружеский союз
Нам обещал, что стает снег, в конце концов,
Что вскоре минус переменится на плюс,
И перестанет ветер обжигать лицо.

И опять на высоком утёсе поёт
Под гитару старик-балагур,
А внизу во всю ширь – ледоход, ледоход:
Просыпается древний Амур.

Нас в это утро не удержит старый дом.
Мы выйдем в город и смешаемся с толпой,
По Муравьёв-Амурской улице пройдем
Походкой лёгкою до парка над рекой.

¹¹ Журавлёв Матвей Павлович «Дед Матвей» (1927—1999), хабаровский композитор и исполнитель песен, в т.ч. неофициального «гимна» Хабаровска «Вдоль Амура белым парусом...» на стихи А. Я. Федотова.

Мы будем пить апрельский воздух, как вино,
Пьянеть и с видом расшалившихся детей
У новых касс кинотеатра «Совкино»
Кормить батоном беспризорных голубей.

И минувшее – давний хабаровский сон —
Вдруг тихонько коснётся плеча:
Иннокентьевских колоколов перезвон
Да Успенского храма свеча.

Хабаровск – юность бестолковая моя,
Нам наяву смотреть с тобою эти сны.
Там на утёсе светит солнечный маяк.
Как хорошо, что мы дожили до весны!

А вдоль реки из века старого дома,
Как в песне, словно паруса, стремятся ввысь.
С Вокзальной площади Хабаров-атаман
Нас провожает в наши странствия всю жизнь.

Спой нам песню свою, бородатый Матвей.
Ты не стар, ты всегда super-star.
На жару не ворчи, в холода не болей,
Мой товарищ – Амурский бульвар.

Июль 2002

Земляки

Однотипные кухни, темнота за окном.
Что Москва, что Хабаровск – не имеет значенья.
Мы сидим за накрытым скатёркой столом, —
Чай байкальский и лампы петербургской свеченье.

Под цветным абажуром девятнадцатый век
Приютился в столетье уже двадцать первом.
И влетает из века двадцатого снег
Во фрамугу, открытую ветром.

В нас живут эти звуки – рёв сирены в ночи,
«По вагонам!», «По коням!» – отголоски эпохи.
Чтоб услышать всё это – посиди, помолчи.
Чтоб увидеть всё это – ты последние крохи

Ленинградского хлеба блокадной зимы
Собери на ладонь и почувствуй их тяжесть.
Чай да сахар-песок золотой Колымы,
Звон струны в перетянутом тяжё,

Времена и пространства условны, пока
Через душу и разум пропускаешь их ветры:
И вираж вертолёта, и полёт мотылька,
И шаги в коридоре, и столбы-километры.

Однотипные кухни – наших душ островки,
И конфорка зимой иногда – для согрева,
Как печурка в землянке. И мы – земляки
С земляничной поляны forever.

Октябрь 2010

Паромщик

*И померещилась мне пристань
Среди мерцания берёз...*

Елена Добровенская

Отшумело время свадеб и разводов.
И устав против течения грести,
Пожилой паромщик – ветеран ОСВОДа
Не спешит нас, утопающих, спасти.

В глубине, как за кулисами театра,
Свет мелькнул, да только сразу же исчез.
Наблюдает Бог глазами Ихтиандра
Суету млекопитающих существ.

Разменяли времена мы, как квартиры,
Но на той же кухне пьём зелёный чай.
Усмехаются с подсвечника Сатиры,
Оплавляется бессонница-свеча.

Время века – неприкаянная осень.
Истекает ночь, бездонная на вид.
И как будто бы река паром относит,
И паромщик папиросою дымит.

Апрель 1999

Там, где ты живёшь

Белый самолёт

в небе прочертил полосу крылом.

Так и мне давно

выбить «башмаки» и взлететь пора.

Там, где ты живёшь, —

лето круглый год, море за окном.

Там, где я живу, —

северо-восток, сопки да ветра.

Там, где я живу, —

вечером в сельпо очередь гуськом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.